

Марксова Система и её Мифос

А. Буров

Учение Маркса и марксистские диктатуры

Философия важна потому, что всякий, зная о том или нет, имеет некую философию, чьи идеи определяют его действия. Современная философия — это философия Карла Маркса (1818—1883), наиболее сильной личности нашего времени. Карл Маркс и его идеи — которые он не изобрел, не развил и не усилил, но объединил в систему — широко приняты сегодня, даже теми многими, кто энергично декларирует свой антикоммунизм и анти-марксизм.

Так писал в 1952 году один из виднейших либертарианцев прошлого столетия Людвиг фон Мизес в эссе *Marxism Unmasked: from Delusion to Destruction*. С тех пор много воды утекло. Стали общеизвестны беспрецедентные преступления марксистских диктатур, развалились их экономики, наконец, пал Советский Союз и его порождения, марксистские режимы в Европе. Казалось бы, учение, повлекшее столь великие бедствия, вместе с именем его автора, должно было покрыться негодованием народов, оставшись в памяти только как предмет изучения духовных патологий. Этого, однако же, не произошло.

Согласно национальному опросу профессоров американских университетов 2006 года, около 18% социологов относят себя к марксистам. Годом раньше радио BBC провело опрос радиослушателей: предлагалось назвать величайшего философа всех времен. Было получено около 30 тысяч ответов; Карл Маркс с 28% занял первое место, более чем вдвое опередив следующего за ним Дэвида Юма, получив больше, чем Сократ, Платон, Аристотель, Фома Аквинский и Кант вместе взятые. Мне не удалось найти более свежих данных по опросам на подобные темы, но не думаю, что сегодня результаты сильно бы отличались, как не думаю, что во Франции, Италии и Германии они были бы совершенно иными. Судя по общему росту популярности левых идей вообще и их большему весу в континентальной Европе, вес Маркса сегодня и на Западе в целом вряд ли ниже. Следует, стало быть, зафиксировать факт общественного сознания стран Запада: почтение к отцу идеологии, не отметившей себя ничем, кроме дотоле неслыханных преступлений, зашкаливает. Данные об этих преступлениях, еще раз стоит подчеркнуть, в целом известны и отрицаются разве что маргинальными группами. А уж ученым-обществоведам эти данные должны быть известны лучше, чем кому либо еще. Как же современные поклонники Маркса оправдывают свой марксизм перед лицом совершенно людоедской практики этого учения? Аргумент у них один, да другого и быть, кажется, не может: за

людоедскую практику отвечают злобные тираны, извратившие великое учение. Тот же факт, что везде и всегда, где только марксистская группировка приходила к власти, она устраивала массовые репрессии, подавление религиозных, гражданских и экономических свобод, жестокую цензуру по всем направлениям, от программ новостей до философии и балета, изуродованную экономику — этот универсальный факт поклонниками Маркса либо игнорируется, либо списывается на патологии или глупость тиранов и их окружений. Отсюда как бы напрашивается вывод: надо пробовать применять марксизм и дальше; важно только, чтобы во главе были хорошие люди, и тогда все получится. В качестве аргумента за марксизм выставляется обыкновенно сила и научность его идей, его направленность на благие цели прогресса и справедливости. И в самом деле: не может ли так оказаться, что учение Маркса в принципе все же верно, а имевшие место неудачи связаны с трудностями его воплощения и случайными историческими обстоятельствами? Может быть, надо лишь слегка доработать детали, и путь к светлому будущему наконец откроется? Но может быть, дело обстоит строго наоборот? Может быть, всякая попытка реализации учения Маркса как приводила, так и будет приводить к социальным катастрофам в силу коренных, принципиальных качеств самого учения?

Поставленный вопрос требует определения этих принципиальных качеств, уяснения того, в чем ядро учения, а в чем его исторически переходящие и необязательные аспекты. Каким же образом можно пытаться разрешить эту проблему?

Марксова Система

Вопрос об основных принципах учения, аксиоматике своего рода, имеет смысл лишь в предположении его идейной цельности и достаточной полноты. В отличие от математики, цельность не означает здесь логическую непротиворечивость, но означает, что ядро учения не распадается на независимые части, что имеющиеся противоречия так или иначе приемлемы, что из учения нельзя ничего отнять, не нанеся основательного смыслового ущерба целому. Полнота же предполагает содержательность, достаточную для роли мировоззрения, содержательность вопросов-ответов о сущем (онтология или метафизика), должном (этика и политика) и познании (эпистемология или гносеология). Эта троичность мировоззрения была усмотрена уже античным платонизмом. Так, у одного из видных средне-платоников Альбинуса (ок. 120 PX) читаем:

According to Plato, the philosopher's pursuit rests on three things: on the contemplation and understanding of things that are, on doing what is right,

and on reflecting on reason. (The Platonic Doctrines of Albinus, translated by J. Reedy, 1991)

Согласно Платону, поиски философа покоятся на трех основаниях: на созерцании и понимании того, что есть, на совершении должного, и на рефлексии над разумом.

А коли так, то каковы же ответы Марксова учения на вопросы о сущем, о должном и об истине?

Сущее у Маркса

Начнем с сущего. Космос, макрокосм, Марксом нигде не обсуждается. Почему природа подчинена законам, почему они математизируемы, каково происхождение жизни и мысли — все это вне поля его восприятия. Не найти в сочинениях Маркса и удивления перед микрокосмом, душой, с ее дарами познания и творчества, с ее чувством таинственного и способностью к великим подвигам. А что же тогда остается в сущем Маркса, если макро- и микро-косм из него выпали? Остается середина, социум. Макрокосм со своими тайнами плотно закрывается слепым пятном, а микрокосм объявляется производным от мидиакосма, социума: человек-де есть совокупность общественных отношений. Марксизм акосмичен и апсихичен, по сути в нем ничего нет, кроме социума.

Но и от социума берется лишь особая проекция. Его рождение, как и дление в бытии Марксом не обсуждается, подобные вопросы им повсеместно игнорируются; его мировоззрение чуждо традиционному философскому удивлению перед тайнами бытия. Марксов социум подобен дарвиновой жизни: возникает неизвестно как, а развивается благодаря борьбе. Эволюция социума идет у него посредством борьбы классов; классы таким образом делятся на прогрессивные и реакционные. Классы задаются как субъекты производственных отношений, базовых социальных структур производства материальных благ. Основной характеристикой класса является отношение собственности на средства производства. Главными классами буржуазного общества являются собственники капитала и наемные рабочие, собственники своей рабочей силы. Аналогично задается классовая структура феодального общества, в основном состоящего из феодалов, крестьян и ремесленников, рабовладельческого общества с его рабами и рабовладельцами, а также азиатского способа производства, где все — рабы государства. Историческое изменение классовой структуры связано с технологическим прогрессом: новые средства производства оказываются несовместимыми со старыми производственными отношениями, нарастающее противоречие между ними вызывает растущее социальное напряжение, разрешающееся в революционном переходе к новой, более прогрессивной экономической формации. Предлагая эту схему как неизбежную, вроде закона природы,

Маркс нигде не обсуждает, почему это так: почему колесо прогресса обязательно катится к более совершенным формам, а не стоит на месте или не ведет к деградации. Прогресс у него сам собой разумеется; и в этом марксизм подобен дарвинизму, где аналогичный вопрос об эволюции жизни не обсуждается.

Важным элементом марксова учения является его тезис об отношении экономического базиса, единства технологических производительных сил и производственных отношений, к тому, что он называл надстройкой: совокупности государственных и правовых структур, а также сферы религии, морали и культуры. Марксов базис эволюционирует в силу технологического прогресса, а надстройка, как утверждается, в основном следует базису, будучи ведомой и определяемой им. Тезис о первичности базиса и вторичности надстройки Маркс называл «материалистическим пониманием истории» или историческим материализмом. Именно это понимание, претендующее на выведение духа из материи, служило основанием претензии марксизма на научность. Ниже мы увидим, что такая претензия не только оказывается пустой, но хуже: исторический материализм несовместим с нормами науки и рационального познания. Подчинение надстройки базису усматривалось Марксом посредством того, что он называл классовыми интересами. Философские учения, научные труды по истории, социологии, экономике, праву, по всему на свете, Маркс относил к порождениям классовых интересов. Маркс априорно вычеркивал все социологические сочинения (а других наук в поле его внимания и не было) из категории объясняющего и переносил их в категорию подлежащего объяснению. Разумеется, это вычеркивание имело одно исключение: произведения самого Маркса, Энгельса, их верных последователей, и отчасти тех, кто будет указан как предшественник. Все прочие авторы, по мере своего расхождения с Марксом, оказывались всего лишь глашатаями интересов, и подлежали не пониманию, как ищущие истину, а объяснению, как представители класса. Марксово учение, таким образом, оказывалось самопровозглашенной истиной, оно не подлежало проверкам на внутреннюю согласованность, соответствие описываемой реальности и общим нормам науки. Все возможные несоответствия и противоречия заранее снимались указанием на «диалектический» характер истины, о чем будет сказано чуть ниже, а все критики Маркса автоматически попадали если не в глупцы, так и не понявшие «диалектику», то в прислужники реакционных интересов. Априорно провозглашая себя не только наукой, но самой истиной, марксово учение именно в силу этого оказывалось принципиально антинаучным. Научный труд, если он именно научный, никак не может провозглашать себя истинным; адекватность его методов и истинность результатов должны быть проблематичны, открыты для новых проверок и рациональной критики. Маркс не только не показал ни единого разу и тени сомнения в истинности им написанного, не только игнорировал или встречал бранью всякую критику, но хуже — само основание его учения, исторический материализм, оставлял возможность

лишь для такого подхода. Марксизм антинаучен по самой своей структуре; ему нельзя придать научный характер, не разрушив его.

Парадокс Эпименида у Маркса

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом Эпименида, имеющим общефилософское значение. У парадокса древняя история; он был хорошо известен в античном мире, намек на него есть даже у такого далекого от проблем логики автора как ап. Павел. Формулировка проста: критянин Эпименид утверждает, что критяне всегда лгут; может ли это быть истинным? Если предположить, что Эпименид сказал правду, то выходит противоречие: как критянин, он солгал. Однако, если предположить, что Эпименид солгал, то истинным оказывается отрицание его утверждения: не все критяне лжецы, в чем нет противоречия. Таким образом, утверждение Эпименида однозначно ложно. Заметим кстати, что парадокс Эпименида отличается от того, что называется в логике парадоксом лжеца. Последний представляет собой своего рода логическую ленту Мёбиуса: не только из предположения об истинности утверждения следует вывод о его ложности, как в случае Эпименида, но и из предположения о ложности утверждения следует вывод о его истинности. Простейший пример парадокса лжеца: «это утверждение ложно». Общим свойством парадокса Эпименида и парадокса лжеца является самореферентность, сообщение об этом самом сообщении.

С другой стороны, самореферентность есть коренное качество философской мысли, и вот почему. Любое претендующее хоть на какую-то полноту мировоззрение описывает не только объективный мир, но и представления о нем, или картины мира. Те, кто не считают картины мира важной частью бытия, в написании и обсуждении этих картин серьезного участия не принимают. А коли картины попадают в предмет моего мировоззрения, то тем самым и мое мировоззрение, как одна из картин, оказывается предметом самого себя, оказывается самореферентным. А раз так, то над всяким хоть мало-мальски развитым мировоззрением нависает опасность парадоксов самореферентности: Эпименида, а может быть, и лжеца. И чем беззаботнее учение в отношении этой опасности, тем вернее оно загоняет себя в эпименидовскую петлю самопровозглашенной ложности.

Приведенный краткий экскурс в страну лжецов позволяет указать на эпименидовскую структуру «материалистического понимания истории». Провозгласив объяснение духовного материальным, социологические представления — классовыми интересами, Маркс, не заметив того, совершил эпименидовское самоотрицание. Действительно, его собственный труд был одним из социологических представлений, а стало быть, порождался неким классовым интересом. Истина же требует отстранения от любых интересов, хоть индивидуальных, хоть групповых, к которым нацеленное на нее исследование должно быть абсолютно безразлично. Заинтересованность свидетеля в исходе дела нацеленный на справедливость суд рассматривает

как основание для отвода этого свидетеля. Нельзя ли, однако, вырваться из лап эпименидовщины самопровозглашенной исключительностью своего учения? Подобное провозглашение эквивалентно заявлению Эпименида, что все критяне лжецы, кроме него самого и тех, на кого он благосклонно укажет. Фактически, Маркс это и подразумевал, но тем самым он и оказывался антинаучен, отождествляя истинность с преданностью ему самому, или со своим благословением. «Аз есмь истина» может сказать либо Бог, либо лжец. Бога Маркс отрицал и, при всем самомнении, до провозглашения богом себя все же не дошел. Стало быть, не ведая того, он провозгласил себя лжецом.

Как было уже отмечено, вопросы, подводящие к таинственному и удивительному, Марксом систематически игнорировались; его мировоззрение сочетает антинаучность с наукообразием, местами прикрытым цветистым слогом и кокетством с Гегелем. Именно поэтому Маркса ошибочно считать философом, даже кругом заблуждающимся — главное качество философа, удивление перед Бытием, связанное с выходом к фундаментальным вопросам, у него отсутствует. Маркса вернее полагать не философом, то есть любящим мудрость, кротким и чутким перед тайнами Бытия, а софистом, претендующим на уверенное обладание мудростью, и соответственно этому изъясняющимся. Его самонадеянный и нетерпимый к возражениям стиль типичен для софиста, псевдопророка и демагога, но не для вслушивающегося, всматривающегося и ведущего трудный внутренний спор философа. Именно этот внутренний спор, диа-лог, был открыт Сократом и Платоном как путь к истине, именно это и есть диа-лектика. Тот же Альбинус называл словом «диалектика» рефлексию над разумом, третье философское основание. Гегель онтологизировал диалектику, увидев ее как универсальную динамику самого мирового духа. То же, что Маркс, якобы поставивший Гегеля на ноги, называл диалектикой, не имело уже ничего общего не только с платонизмом, но и с Гегелем. Марксова «диалектика» была лишь словесным заигрыванием с тем, кого он называл своим учителем. Поппер справедливо указывал, что марксова «диалектика» играла роль риторического шарлатанства, способа уйти от любой критики указанием на «диалектический» характер проблемы, который критик не видит по глупости или классовой предвзятости.

Этика у Маркса

В первом приближении, сказанное очерчивает учение Маркса о бытии и истине. Перейдем теперь к последнему из необходимых оснований мировоззрения (второму в перечислении Альбинуса), к марксовой этике.

Претендуя на научность, Маркс загнал себя в еще одну ловушку, ловушку объективации: обесмыслил вопрос об этической истине, об истине в отношении добра и зла. Проблема в том, что это сделал не безразличный к политике академический ученый, а «вождь мирового пролетариата», автор

теории, призванной стать исторической силой, овладев массами. И как же ими овладеть без призывов к справедливости, к добру, к борьбе со злом? Представления о должном оказались у Маркса, и со всей фатальностью, лишь предметами изучения и объяснения, что единственно и может делать наука, всегда только описывающая, никогда не повелевающая. Мораль, представления о должном, перешли у него, как и вся сфера духа, в порождения классовых интересов, с присвоением соответствующих квалификаторов: реакционная, буржуазная, пролетарская. Оппонентов среди социалистов, что по старинке видели основанием своей борьбы справедливость ее цели, Маркс занес в разряд «утопистов», донаучных мечтателей, поставив себе в великую заслугу «превращение социализма из утопии в науку». Но что же тогда стало объективным мерилем добра и зла для самого вождя и его последователей? Без такого мерила ведь никак политику нельзя; недаром политика с античных времен рассматривалась как разряд этики. Неизменно выражая сциентистское презрение любым словам о справедливости, как «буржуазным», так и «утопическим», вождь и учитель пролетариата не мог не выставить объективный критерий добра. И он его выставил, хотя напрямую так не называл: таким универсальным критерием у него стал технический прогресс, требуемая и порождаемая им трансформация базисных отношений, всей надстройки и, разумеется, самого человека, целиком сводящегося у него к совокупности общественных отношений. Технический прогресс есть подлинный и единственный критерий марксова добра. Напрямую он этого сказать не мог, ибо напяливаемый им на себя требуемый эпохой сюртук научности позволял лишь объяснять утверждения о добре и зле, но не утверждать самому. Маркс разрешил это противоречие с типичной для него беспечностью к несообразностям и бессмысленностям своих «диалектических» писаний: выказывая презрение опоре на справедливость «утопических» социалистов, он оставил право на проповедь за собой, всем морализаторским тоном своих хлестких фраз. Марксова наукообразная «необходимость», провозвестником которой он себя выставлял, неизменно и непризнанно содержала в себе еще одну необходимость, этическую, право на которую он презрительно отрицал, но которая работала у него, вождя и учителя, на полную катушку.

...in a deeper sense Marx was not really a scholar and not a scientist at all. He was not interested in finding the truth but in proclaiming it. There were three strands in Marx: the poet, the journalist and the moralist. (P. Johnson, Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky)

... в более глубоком смысле, Маркс ни на йоту никаким ученым не был. Он был заинтересован не в отыскании истины, а в ее провозглашении. В Марксе было три линии: поэта, журналиста и моралиста.

отмечал видный британский историк Пол Джонсон (р. 1928) в книге *Интеллектуалы: от Маркса и Толстого до Сартра и Чомского* (1988).

Культ технического прогресса пронизывает все сочинения Маркса; таков его подлинный идол, «научно» обещающий, что там, за поворотом, наступит прекрасное светлое будущее, коммунизм, где можно будет свободно заниматься всем, чем душа ни пожелает, не озабочиваясь поддержанием условий жизни, которые, в силу могучей техники и подобранных ее силою людей, как-то сами собой будут поддерживаться. Дорога к светлому будущему шла через борьбу классов, их противоположных интересов. На определенном этапе, революционный пролетариат должен был свергнуть господство ставшей совсем уже реакционной буржуазии, совершить революционный захват власти и установить свою диктатуру. Необходимость именно диктатуры, разрушения всех имеющихся институтов разделения власти, судов и парламента вытекала из того же «материалистического понимания»: все эти институты не могут быть ничем иным, как отражениями интересов буржуазии, противоположных интересам пролетариата. Иными словами, они порочны до самой своей генетической сердцевины, а потому могут быть лишь уничтожены. Уничтожение буржуазного государства и права есть важный момент перехода к коммунизму, осуществляемому партией революционного пролетариата. Этот переход может быть только насильственным, как и вообще все переходы в истории. «Насилие - повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым», писал Маркс в «Капитале», и трудно избавиться от ощущения, что писал с особым удовольствием. Вообще, романтика насилия, мрачная радость потоков крови пронизывает творения Маркса. Особенно заметна эта террористическая романтика в их с Энгельсом маленьком шедевре, «Манифесте Коммунистической Партии», неприкрытой проповеди кровавой вакханалии, террора «пролетариев» против всех, кто попытается защитить остатки «буржуазных» свобод и правовых норм. Вот, например, немного прекрасных мест этого энергичного текста; надеюсь, читатель оценит их по достоинству:

У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями... Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы... У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность... Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество... Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии... Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим

трудом, собственностью, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности... И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса... Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции... Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого. Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс... Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения... Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Важной частью марксовой этики является его учение о прибавочной стоимости. Это один из тех его типичных случаев, когда этическое прячется за научной формой; в данном случае — за формой теории цен. Маркс постулирует, что ценности, стоимости создаются трудом, рабочей силой. Присваивается же созданный товар капиталистом, выплачивающим рабочему лишь то, что требуется для восстановления работоспособности; весь созданный рабочим излишек, прибавочную стоимость, капиталист забирает себе. Таков механизм капиталистической эксплуатации, согласно Марксу. То, что этот «капиталист» на деле есть предприниматель, организатор производства, нашедший интересную бизнес-идею, решившийся на свой страх и риск вложить в нее средства, нашедший необходимый кредит, продумавший и организовавший кампанию, арендовавший или построивший адекватные помещения, нашедший требующихся субподрядчиков, продумавший схемы поставок сырья, продажи продукта и его рекламы, а также отношений с профсоюзами с их требованиями зарплаты и безопасности, отыскавший разумных и энергичных помощников и менеджеров — все это Маркс оставлял за скобками своих замечательных схем, учитывающих «капиталиста» лишь как воплощение собственности, к которому прибавочная стоимость текла как-то без его усилий и сама собой. Друг и содержатель Карла Маркса, сын англо-немецкого капиталиста

Фридрих Энгельс прекрасно знал, что деньги не текут в карманы предпринимателя сами собой. Да и Маркс, при всей своей кабинетности, этих банальных истин не мог не знать, даже и помимо Энгельса. Оба они, разумеется, понимали эти тривиальные вещи, но сие не помешало воздвигнуть «теорию прибавочной стоимости», где это знание помножалось на ноль: труд и риск капиталиста, организатора производства полагались нулевыми, откуда и выростала идея «эксплуатации» и «прибавочной стоимости». Пытался ли Маркс сравнить предсказания этой экономической модели с реальными ценами? Нет, разумеется; а если бы попытался, то увидел бы, что модель никуда не годится, крепко проваливаясь на каждом шагу; именно потому экономисты ею никогда и не пользовались. Единственная цель этой конструкции была политически-агитационной: «научно» доказать эксплуатацию рабочего капиталистом, содействовать разжиганию социального конфликта, убеждению рабочих в их угнетении правящим классом, в необходимости революции. Дополнительному усилению этого разжигания рабочего движения служил еще один ход марксовой мысли: его «доказательство» неизбежного систематического обнищания рабочего класса, практически всего населения, вплоть до полного пауперизма. Вкратце приведем это «доказательство», как замечательный образец марксова изобретательства. Во-первых, технологический прогресс ведет к вытеснению рабочих машинами; далее, уменьшение роли труда в производстве ведет к падению и его неоплаченной части, прибавочной стоимости, то есть к падению прибыли капиталистов. Стремясь компенсировать эти систематические потери, капиталисты усиливают эксплуатацию, снова и снова урезая зарплату, что и ведет к полному обнищанию. Картина дополняется ростом безработицы: машины вытесняют людей. Из-за падения прибыли, разоряются и становятся нищими и капиталисты, почти все, кроме очень немногих гигантов. Вот и все, с позволения сказать, доказательство, в безошибочности которого «ученый» Маркс ни на йоту не усомнился. Хуже того, он проигнорировал имевшиеся в его распоряжении убедительные данные английской статистики, однозначно указывавшие на систематический рост доходов рабочих за десятилетия. Но и этим не ограничились его манипуляции: он пошел уже на прямой подлог, на лжецитирование бюджетного доклада Гладстона Британскому парламенту, перевернув на противоположный подчеркнуто-радостный вывод спикера о значительном и систематическом росте заработной платы. Подробности этих и других примеров марксовых манипуляций и прямого жульничества с числами и цитатами читатель может найти в указанной выше книге Пола Джонсона; о них также идет речь в статье английского философа Antony Flew [“Karl Marx was not a social scientist”](#) (1991).

Марксовы «научные» сочинения написаны так, что проверку на соответствие их предсказаний реальности они почти ни в чем не допускают. Таких проверяемых предсказаний Маркс избегал, но одно все же сделал, «доказав» это самое неизбежное обнищание. Будь у него хотя бы крупица требуемой наукой порядочности, он бы со своим доказательством бросился к

данным, свободно имевшимся в его распоряжении в библиотеке Британского Музея, легко убедился бы в ошибочности предсказания, после чего либо модифицировал свою схему, либо выбросил целиком в мусор. Вместо этого вождь и учитель пролетариата пустился во все тяжкие, заслужив титул уже не только путаника или псевдо-ученого, но уже мошенника и шарлатана.

Возвращаясь от мошенничества Маркса с данными к этике его учения, стоит отметить особую роль его исторического детерминизма, неизбежностей хода истории, декларируемых его учением.

Учение о детерминизме и предопределенности приводит к еще одному парадоксу, «ленивого разума»: если будущее предопределено, то какой смысл в моих усилиях к лучшему, к чему вообще напрягаться? Этот парадокс встает перед любым фатализмом, религиозным, философским или научным: перед исламским, кальвинистским, лапласовым, гегелевым или марксовым детерминизмом. Приверженцы фатализмов, однако же, не обязательно впадают в расслабление «ленивого разума»; напротив, нередко они находят в предопределенности своеобразную мотивацию, и сильную. Если заранее известно, что силы некоего «добра» в итоге обязательно одержат победу над силами «зла», то присоединение к «добру» гарантирует принадлежность к стану победителей, который непременно восторжествует, пусть и после меня. Положив жизнь за «добро», я уже победил по некоторому большому счету. Моя жизнь получила высшую награду в вечности, ибо грядущая победа «добра» вечна, абсолютна и неотменна. Там, в прекрасном светлом будущем, которое обязательно наступит, как научно доказал гениальный Маркс, все жертвы будут оправданы и все герои восславлены пионерами и пионерками, великими учеными и прекрасными танцовщицами, могучими поэтами и глубочайшими мудрецами. Раскроят небо салюты, лягут цветы на гранит и преклонят колена красавицы. Да, пока трудно, и много жертв впереди, но колесо истории не повернуть вспять, и перед тобой выбор, товарищ; так с кем же ты?

Марксово «материалистическое понимание истории» было бы точнее назвать ее технологическим пониманием. Беспрерывно падающие неважно почему и откуда технологические идеи меняют производство, а оно уже движет вперед производственные отношения, модифицируя всю надстройку и совокупность общественных отношений, человека. Марксовы люди — не более чем носители социального, они исчерпываются своей классовой сущностью, а потому взаимозаменяемы; индивид особой ценности представлять не может. Высшей и единственной ценностью Маркса является Технический Прогресс, все же остальное должно быть ему подчинено и безоговорочно принесено в жертву. Именно безоговорочно — никаких иных ценностей, кроме технического прогресса в марксовой системе нет, и внести их туда можно было бы лишь ценой ее разрушения. А коли так, то какие бы жертвы ни требовались во имя «светлого будущего» — они оправданы. В слишком большие детали относительно движения к светлему будущему Маркс не входил, но некоторые важные обстоятельства его схемой

«диктатуры пролетариата» были четко заданы: система государства, права и частная собственность подлежали уничтожению восставшим пролетариатом, чья партия должна была централизовать всю политическую и экономическую власть. Религиозные свободы, как один из элементов буржуазного общества, его гражданских свобод, также подлежали уничтожению. Никакие моральные ограничения не должны стеснять пролетариат: мораль буржуазна. Более того, поскольку вся сфера культуры отражала, согласно Марксу, преимущественно интересы правящих «эксплуататорских» классов, то в задачу грядущей диктатуры пролетариата не могло не ставиться уничтожение старой буржуазной и реакционной культуры и создание на ее месте новой пролетарской.

Кредо марксизма

В завершение обзора марксовской системы представлений о мире, попробуем, для удобства последующего обсуждения, обозначить ее в виде списка основных положений.

1. Культура, религия, мораль, наука, государство, право в основном детерминированы производственными отношениями, а те, в свою очередь — техникой. Технический прогресс влечет изменение всех структур общества.
2. По отношению к прогрессу, люди делятся на классы, революционные и реакционные. Представления людей в основном определены их классовой принадлежностью, классовым интересом; эта детерминация обычно не осознана. Прогресс неизбежно идет через жестокую борьбу революционных и реакционных классов, их взаимное насилие.
3. Произведения литературы, искусства, философии, мораль делятся, как и классы общества, на прогрессивные и реакционные. Все формы религий ныне реакционны.
4. Институты частной собственности, права, разделения властей ныне реакционны.
5. Прогресс неизбежно ведет к светлому будущему, коммунизму, раю на земле, совершенному обществу, где люди будут свободны от бремени труда, несправедливости и невзгод. Могучие машины и вызванная их силой доброта людей это обеспечат.
6. Путь к коммунизму идет через ухудшение жизни почти всего общества при старом режиме, завершающимся революцией прогрессивного класса, пролетариата, и его диктатурой.

7. Диктатура пролетариата есть переход всей власти к аппарату партии коммунистов, упразднение гражданских свобод, уничтожение парламентских, правовых, религиозных, хозяйственных структур гражданского общества. После этого начинается построение нового общества.
8. Прогресс требует жестокости к реакционерам; он есть единственное мерило этики.
9. Учение диалектично: все его логические и исторические неувязки и противоречия снимаются указанием на диалектику. Возражения и атаки на учение объясняются если не глупостью не освоивших диалектику оппонентов, то мотивирующими их реакционными интересами, осознанными или нет; критика рассматривается как акт врагов пролетариата и светлого будущего. На оружие критики пролетариат ответит критикой оружием.
10. Стилль изложения учения — проповедь, исключаящая сомнения. Всякое сомнение есть уже вражеский акт.

Как может заметить читатель, первые семь положений относятся к марксовой онтологии, включающей футурологию и эсхатологию. Восьмое положение есть формулировка новой этики, освобождающей от всех норм старой морали. Девятое и десятое положения составляют учение об истине. Такой список марксовых аксиом не претендует на единственно возможное представление; он есть не более чем попытка автора этих строк вычленить основные положения из текстов Маркса, существенные для марксизма как псевдорелигии, для его *мифоса*. Заметив это, подчеркну, что не вижу возможностей что-либо из этого списка вычеркнуть или поменять, не нанеся разрушительного ущерба всему зданию; конструкция представляется цельной, жесткой и по-своему полной, хотя и принципиально иррациональной сразу в нескольких смыслах, о которых речь была выше. А именно, она содержит в себе парадокс Эпименида, парадокс ленивого разума, ловушку объективации, и не допускает рациональной критики.

Пользователи и фанатики

Отмеченная выше жесткость марксовой схемы не накладывает, разумеется, никаких ограничений на ее возможную деконструкцию с использованием полученных фрагментов в построениях философов, произведениях художников или риторике политиков. И те, и другие, и третьи деконструкторы иногда называют себя марксистами, но это марксизм

пользователей, а не верных адептов; он составляет лишь один из источников их философских размышлений, художественных образов или политической словесности. Используя одни марксовы идеи, они свободно откажутся от других, объявив неадекватными насущным задачам, а то и совершенно ошибочными. Примерами философов такого рода могут служить молодой Николай Бердяев в годы его увлечения марксизмом или неомарксист Эрих Фромм. Многочисленные примеры политиков этого типа могут быть найдены как среди европейских социал-демократов столетней давности и еврокоммунистов последней четверти прошлого века, так и в руководстве современного Китая.

Для целей данной статьи первостепенный интерес представляют, однако же, не те, кто лишь использует наследие Маркса как материал для своих философских, художественных или политических целей, но те, для кого марксово учение стало псевдорелигией, предметом ревностного служения — фанатики марксизма. Именно эти уверовавшие в Маркса люди, вроде Ленина и Троцкого, формируют партии-секты, готовые при всякой возможности со всем энтузиазмом уничтожить старое общество и установить марксистское тоталитарное государство. То, что в случае их успеха большинство, если не все фанатики первой волны теряют власть в созданной ими пирамиде нового типа, а вместе с ней часто и свободу и жизнь, составляет уже следующий этап эволюции созданного их энергией марксистского государства.

Здесь не место обсуждать, насколько идейно-фанатичен был в те или иные годы Сталин, а насколько его действия были продиктованы жаждой тиранической власти вкупе со страхом возможной расплаты. Стоит однако заметить, что и жажда всевластия, и все виды страха не являются столь уж редкими под луной. Истории известно множество жестоких тиранов. Злодеяния же сталинской поры: организованные массовые голодоморы, гигантская сеть концлагерей, волны массового террора могут сравниться только с подобными вещами других марксистских же режимов; ничего подобного за их пределами не найти. У нацизма был свой список преступлений, но гораздо более традиционный. Иван IV и Петр I были жесточайшими тиранами, но голодоморов своих мирных крестьян они не устраивали. С марксистской же точки зрения, голодомор был совершенно оправдан, как оправдано все, что поспособствует загнать людей в государственное рабство. Так что, объяснение преступлений Сталина, как и других марксистских тиранов, лишь их властолюбием или страхом не проходит; дело, очевидно, в самом марксизме, без которого подобный масштаб и специфика злодейств были бы невозможны.

Сказанное поясняет особый фокус этой статьи, где марксово учение рассматривается не как набор всех подряд высказываний Маркса, а как псевдорелигия, как цельный и внутренне сцепленный *мифос*. Фокус на мифосе позволяет понять учение Маркса не фрагментарно, не как некий набор не вполне ясных тезисов и представлений этого автора, но как особую мифопоэтическую цельность и полноту, зажигающую фанатичное служение. Иными словами, марксизм рассматривается здесь именно так, как Маркс и настаивал: не как всего лишь созерцательное объяснение мира, но как мысль, мир преобразующая через овладение массами. Пути, характер и неизбежные следствия этого овладения и составляют предмет данного рассмотрения. В силу сказанного, суждения типа «Ленин неправильно понял Маркса» или «Маркс бы в гробу перевернулся, увидев СССР» не имеют отношения к проблематике данной статьи. Маркс желал создать мифос, создал его, и он, увлекая воли уже других людей, заработал. Вот что важно, и важно понять детали случившегося.

Практическое воплощение

Обозначив основные элементы марксово учения, ее онтологии, социологии, антропологии, футурологии, эсхатологии, этики, политики и эпистемологии, перейдем к вопросу ее практического приложения, воплощения ее рецептов и указаний. Маркс, а за ним и его ученики, настаивали на том, что ценность теории определяется прежде всего ее практическими результатами, что практика — критерий истины. Кто бы с этим спорил? Будь теория хоть десять раз противоречащей себе и фактам, будь она крайне неполной, но если на ее счету имеются блистательные практические применения, она имеет серьезную заявку на истину — да, как всегда, частичную, предполагающую критику и дальнейшие исследования. Итак, что же скажет о марксовом учении практика? Как уже отмечалось, марксово учение много где нашло своих пламенных адептов, породив многочисленные примеры попыток своего воплощения; все без исключения результаты были беспрецедентно катастрофичны по всем линиям. Хотя факт этих неизменных катастроф довольно убедительно свидетельствует о качестве самого учения, важно все же понять, каким образом катастрофы были предопределены исходной теоретической схемой, бегло описанной выше и условно представленной десятью положениями-аксиомами. Такая задача важна не только ради предотвращения новых попыток приложения

«всесильноверного» учения, но и ради самой себя, как усилие к пониманию уникального исторического опыта, усилие самопознания.

Что есть истина

Для начала заметим, что учение имплицитно культивирует безоговорочный культ личности его автора. Исключая сомнение, исключая критические проверки учения как акты вражды, излагая истины не терпящим возражений тоном пророка, никакого иного основания к принятию своего учения, как слепое доверие себе, Маркс не оставляет. Безусловный культ Маркса-пророка формирует «партии нового типа», с трансляцией этого культа как системообразующего: с его нетерпимостью к критике, суб-культурами вождей и учителей разного уровня, где критерием правоты может быть лишь положение в партийной иерархии. На вершине возникающей пирамиды мудрости оказывается вечно-сияющая фигура никогда не ошибающегося сверх-человека, сопровождаемого верным другом-помощником; уровень ниже занимают создатели партии нового типа, развившие и обогатившие учение в национальных условиях; следующие уровни занимают начальники поменьше, определяющие правильные марксистские выводы по более специальным и злободневным вопросам. В самом низу пирамиды находятся рядовые трудящиеся, движимые правильными, но плохо осознаваемыми классовыми интересами. Подземную же, infernalную часть составляют эксплуататорские классы и их лакеи, служители лжемудрости, порождаемой реакционными, враждебными светлостроительным интересам. Истинность высказывания приобретает таким образом четкий ранг, равный иерархическому статусу говорящего; рабы-мыслители и плебеи-философы античности вроде Эпиктета и Сократа, не поминая уж обличавших царей юродивых дремучей Московии, в марксистской среде невозможны; эпистемология марксизма задает беспрецедентное, дотоле невиданное неравноправие.

Диктатура нового типа

Придя к власти, сломав ее реакционные институты, марксистская партия оказывается вынужденной решать огромное число хозяйственных, политических, социальных задач, о которых ничего не сказано в ее учебниках. Масштаб этих задач беспрецедентен, ибо решавшие их буржуазные

институты, институты гражданского общества, были, как и требовалось учением, сломаны. В условиях рукотворной катастрофы, вырастает недовольство народа, готового восстать против новой безумной деспотии. Растущее политическое напряжение в обществе порождает атмосферу страха внутри партии и, в ответ, показательные репрессии. Разногласия, и до того несовместимые с духом учения, оказываются чреватые реально гибельным расколом, а потому платой за «особое мнение» становится уже не исключение из партии, а жизнь или, если повезет, бегство. Необходимость неукоснительного подчинения начальству, преданности линии партии и лично данному начальнику достигает заоблачных высот; иначе нельзя. Каждый член нового общества, сверху донизу, оказывается беззащитен перед любым капризом вышестоящих и трепещущим перед опасностью быть заподозренным если не в заговоре, то в доносе на коллегу или ближайшего начальника. Воронка страха охватывает всех, не исключая и самого вождя. Верховным повелителем страны становится уже даже не вождь, а безличный, никому не подвластный, страх. Судороги страха разряжаются волнами репрессий сверху донизу. Вместо земного рая, коммунизм реализуется как сущий ад (да простят автора за это сравнение слуги ада, если у них оно гуманнее).

Светлое будущее не наступает, жизнь тяжела. Уйти диктатура не может, но системообразующее давление страха может постепенно снижаться усилиями высшей номенклатуры, испытывающей это давление на себе в полной мере. Оправдание пролонгации диктатуры требует принципа долгой борьбы за окончательное просветление общества, задачи создания новой светлой литературы, искусства, философии, языка, — свободных от наследия побежденной, но не вполне еще преодоленной тьмы, задач окончательного уничтожения религий и создания нового, уже совершенно светлого, человека.

Таким образом, придя к власти, вооруженная марксовым учением партия может лишь утвердить долгосрочный тоталитаризм с его господством страха; никакого иного варианта у такой партии просто нет. Примечательно, что этот вывод был сделан уже современником Маркса, видным социалистом-анархистом Михаилом Бакуниным (1814-1876) в книге «Государственность и Анархия», вышедшей в 1873 году:

“Научные социалисты” утверждают, что только диктатура, конечно, их, может создать народную волю; мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство.

... по теории г. Маркса, народ не только не должен государство разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освободить по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную под непосредственною командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное сословие. Видите, какая блистательная цель поставлена народу школою немецких коммунистов!

Марксу эта критика была хорошо известна; он даже законспектировал книгу давно и лично известного ему Бакунина, но никакого ответа на нее не дал; очевидно, удар был так точен, что возразить было нечем; пришлось отмалчиваться.

Псевдорелигия

Псевдорелигиозность марксова учения давно является общим местом; интерес представляет не это обстоятельство само по себе, а та сила, с которой оно овладело интеллектуалами и массами, и, несмотря на беспрецедентный масштаб последовавших катастроф, продолжает овладевать ими. В чем же основа популярности марксизма, секрет его неколебимых побед над конкурирующими представлениями о мире?

Своим скромным соображениям по этому вопросу я предпошлю цитату из книги выдающегося австрийского экономиста прошлого столетия Йозефа Шумпетера (1883-1950) «Капитализм, Социализм и Демократия», вышедшей в 1942 году в США, где ее автор находился с 1932 года, будучи профессором Гарварда; в последний год жизни он занимал пост президента международного экономического общества. Первая часть книги, «Марксистская доктрина», после краткого «Пролога», переходит к первой главе «Маркс-Пророк»:

На самом деле это больше, чем аналогия. В определенном смысле марксизм и есть религия. Для верующего он предоставляет, во-первых,

систему конечных целей, определяющих смысл жизни, и абсолютных критериев для оценки событий и действий; и, во-вторых, руководство к осуществлению целей, содержащее не только путь к спасению, но и определение того зла, от которого человечество или избранная часть человечества должна быть спасена. Можно добавить и следующее: марксистский социализм принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни. Я думаю, что если бы за определение марксизма взялся богослов [hierologist], это позволило бы дать гораздо более глубокую характеристику социальной сущности марксизма, чем та, которую может сделать экономист. Чисто научные достижения, будь они даже намного более совершенными, чем у Маркса, никогда бы не обрели подобного исторического бессмертия....

Заметьте, с каким чрезвычайным искусством здесь удалось соединить иррациональные чаяния страждущих, которые, лишившись религии, бродили во тьме подобно бездомным собакам, с неизбежными для того времени рационалистическими и материалистическими тенденциями, сторонники которых не признали бы ни одного утверждения, не подкрепленного научным или псевдонаучным доказательством. Проповедь одной лишь цели не дала бы эффекта, анализ социального процесса был бы интересен всего лишь для нескольких сотен специалистов. Но проповедь в одежде научного анализа и анализ в интересах достижения выстраданных целей, вот что обеспечило страстную приверженность марксизму, вооружило марксиста высшим преимуществом — убежденностью, что он и его доктрина никогда не потерпят поражения и в конце концов обязательно победят.

Душа, лишившаяся религии, уподобляется Шумпетером бездомной собаке; толпы несчастных псов привлек Маркс, накормив их той пищей, что они столь жаждали. Потом, правда, выяснилось, что лучше б они не трогали это варено, но голодным псам разборчивость не присуща, тем более что выглядело и пахло это все изумительно. Повара, как выше отмечалось, предупреждали насчет последствий его кулинарии, но эти предупреждения он игнорировал.

«Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих», ответил Спаситель искушавшему его духу. А если глух человек к Небесам, то как ему быть? Разве может он жить одним хлебом? А если глуха целая эпоха?

Трудно вынести мысль, что злодеям и кровопийцам, всю жизнь торжествовавшим, никогда, сколь ни жди, не воздастся. *Наперсникам разврата* должно быть выдано заслуженное. Такова вечная идея, архетип, мифема Страшного Суда. Библейский Бог запретил мстить, оставив это Ему,

Высшему Судии — и Он воздаст. Но какой вес может иметь это обетование в умах тех, для кого Св. Писание — лишь сборник еврейских сказок? Как им быть с их огнем справедливости, с жадной воздаяния злодеям? Это отмщение и обещает марксова идея беспощадной и всеразрушительной диктатуры пролетариата, страшной для господствующих классов. Определенная логика тут имеется: личностей в марксовом мире социальных механизмов не существует, злодействуют классы, и воздаяние полагается им же.

Горько думать, что слезы невинных жертв никогда, ни в какой толще времен, не будут отерты. Невыносима мысль о бесконечных, безысходных мучениях человечества, для которого жизнь в гармонии всех и вся может быть лишь несбыточной мечтой. Столь же невыносима мысль о падении в ничто не только меня и моих близких, но и всего человечества. Отсюда — мифема спасения, возможности посмертного блаженства, Эдема, райского сада. Марксов Эдем — светлое будущее, царство свободы и братства, в которое человечеству суждено прийти неколебимой волей законов истории.

Трудно человеку жить в сознании своего ничтожества, затерянности среди мириадов частиц и бессмысленных обстоятельств. Нужен смысл, над ними возвышающий. Эту задачу решает мифема смысла жизни. У Маркса она реализована соединением воли отдельного человека с логикой законов истории, ведущих к прекрасному светлому будущему. Дорогу к нему, неизбежно и свободно сразу, радостно и сурово прокладывают пролетарии, просветляемые марксовым учением. Учение дает универсальный ключ к пониманию истории, без того представляющейся потоком событий, беспокоящим хаотичностью и тайной одновременно. Загадки и тайны истории Марксом снимаются и отобъясняются, если можно так сказать (*explained away*). Напряжение тайны и непостижимости заменяется уверенным знанием историко-материалистической, классовой сути дела, дающим успокаивающее право на историческую безграмотность.

Нет сомнений, что каждый человек и каждая институция склонны к ошибкам и часто ошибаются. Но как жить, допуская полную ненадежность чего угодно? Мифемы и воплощающие их мифы требуют твердой веры; без нее они проваливаются в небытие, а человек, как заметил Шумпетер, превращается в бездомного пса. А раз так, то дано это высшее знание может быть или Богом, или, если вера в Бога утрачена, то ни в чем не ошибающимся сверхчеловеком, тем, чье видение истины не имеет изъяна. Такова мифема совершенного знания. Решительно отвергнувший Бога, Маркс не имел никакого иного мифического основания, кроме своей собственной личности. Это основание и утверждается его наукообразными и авторитарно-поэтическими сочинениями, разворачивающими его мифологический синтез или *мифос*. Важная разница между священными текстами теистических

религий и писаниями *мифиста* Маркса состоит в том, что первые в явном виде указывают на свой небесный источник и на необходимость веры, подробно обсуждая согласие веры и разума, все трудные проблемы на этом пути, аргументы за и против; вторые же вообще вопрос об основаниях доверия себе не ставят, действуя на сознание читателя так, как это делают гадалки и экстрасенсы: посредством подавляющего рефлексии авторитарного внушения.

В прекрасное будущее приведет свет марксова учения; сомнениям тут нет места; кто сомневается, тот враг. Спасителем человечества в марксовой мифологии является отнюдь не пролетариат, как утверждают некоторые авторы. Пролетариат есть не более чем выкованный историей конь спасения. Коню, однако же, требуется твердая рука всадника: пролетариат своих подлинных интересов не знает. Носителем этого знания является лишь организация последователей Маркса, усвоивших и верящих в его учение. В конечном счете, свет всеильноверной истины исходит лично от Маркса, этого сверхчеловека; спасителем является именно он, неколебимо и безошибочно направляющий энергию пролетариата через своих апостолов и адептов. Таким образом, Маркс, согласно сути своего учения, есть тот, через кого осуществляется вселенское спасение; он есть антитеза и псевдокопия Христа, антихрист, в аналитически-точном смысле этого слова.

При жизни Маркс оставался малоизвестным писателем и еще менее известным политиком. Пожалуй, единственной писательской радостью для него оказался совершенно неожиданный успех его главного сочинения, *Капитала*, но не на родине, а в стране, о которой он до того мог говорить только с презрением, в России. В этой полуазиатской крестьянской державе, не имевшей тогда на своем языке даже Библии, *Капитал* был не только переведен и издан отдельной книгой ранее, чем где-либо еще, но и расходился с фантастической скоростью: за год было продано втрое больше копий, чем за предшествовавшее тому пятилетие на родине автора.

Будущего вождя мирового пролетариата хоронили, по разным данным, то ли восемь, то ли одиннадцать человек; возможно, оба числа справедливы. Подлинное признание пришло к Марксу лишь посмертно. Согласно google ngram “lots of books search”, в период между 1960 и 1990 годами его имя упоминалось в англоязычных книгах чаще, чем чье либо еще — за исключением лишь одного, чьим супостатом и псевдокопией он был, Иисуса Христа. Да и после падения власти коммунистов и распада СССР, имя Маркса, несмотря ни на что, принадлежит узкой группе самых упоминаемых как в странах Запада, так и в России. Шумпетер, отметивший в 1942 году, что

даже полное ее [марксистской системы] опровержение, самой неспособностью нанести этой системе смертельный удар, только свидетельствует об ее силе

был прав даже в большей степени, чем могло тогда казаться. Откуда же идет эта сила?

В уходящем году, помимо столетия марксистской революции в России, исполнился и еще один юбилей этого ряда: полтора века от выхода *Капитала*. Сто пятьдесят лет, да еще и в наше быстротекущее время — срок колоссальный; все это было до появления телефонов, радио и аэропланов, которых Маркс никогда и не увидел. В те безумно далекие годы он создал атеистический мифос — с ворохом внутренних противоречий, полностью провальным по части предсказаний, да еще и с элементами жульничества — но сумело ли человечество за прошедшее немалое время выдумать хотя бы еще один безбожный синтез, сравнимый по охвату основных мифем?

Всякий новый мифос вступает в конкуренцию с уже существующими, каковыми в первую очередь являются имеющиеся религиозные конфессии. Именно поэтому проповедников и адептов нового мифоса отличает нетерпимость ко всем религиям. Прошое столетие породило немалое число фашистских режимов, имевших свои идеологические составляющие, но лишь одна из них имела собственный мифос, германский нацизм. По этой причине лишь он и был отчетливо антихристианским, чего нельзя сказать ни о какой иной фашистской диктатуре межвоенной Европы. Здесь не место разбору фашистских идеологий; ограничимся лишь цитированием Умберто Эко:

Дело в том, что «Майн Кампф» — манифест цельной политической программы. Немецкий фашизм (нацизм) включал в себя расовую и арийскую теории, четкое представление об entartete Kunst — коррумпированном искусстве, философию державности и культ сверхчеловека. Он имел четкую антихристианскую и неоязыческую окраску. Так же точно сталинский диамат был четко материалистичен и атеистичен. Режимы, подчиняющие все личностные проявления государству и государственной идеологии, мы зовем тоталитарными; немецкий фашизм и сталинизм — оба тоталитарные режимы. Итальянский же фашизм, безусловно, представлял собой диктаторский режим, но он не был вполне тоталитарен, и не благодаря какой-то особой своей мягкости, а из-за недостаточности философской базы. (Вечный Фашизм, 1995)

Соглашаясь с Эко, мы видим, что европейская цивилизация породила лишь два антихристианских мифоса, достаточно проработанных и впечатляющих, чтобы на какое-то время стать властными: марксистский и нацистский. Хотя по производству трупов соответствующими режимами первый из них превосходит второй, трудно представить себе профессора социологии американского университета, относящего себя к нацистам; к марксистам же, как мы помним, отнес себя каждый пятый из них, а сколько еще сочувствующих!

Важное отличие марксизма от нацизма было отмечено одним из ведущих исследователей марксизма, Лешеком Колаковским (1927-2009): тогда как нацисты действовали в соответствии со своей идеологией, идущей вразрез с идеалами как Христианства, так и Просвещения, практика марксистских режимов скрывалась за весьма привлекательным идеологическим фасадом *подлинной* справедливости, *подлинной* свободы и прогресса. То, что марксов фасад с неизбежностью порождает находящееся за ним тоталитарное государство, видно далеко не каждому. Нацистский мифос на практике оборачивается именно так, как он о себе и возвещает; он прям и прозрачен. Марксов же мифос, напротив, способен преподнести сюрприз: заявленный «прыжок в царство свободы и справедливости» оборачивается (неужели диалектически?) прыжком в царство предельного всеобщего рабства и предельной же, дотоле невиданной несправедливости. В силу своей прозрачной анти-гуманистической сущности и вытекающей из нее конфронтации, нацистский мифос вошел в глобальный конфликт, вызвав мировую войну с последовавшим разгромом Германии. В итоге нацизм оказался основательно дискредитирован. О марксистском такого не скажешь, ему все нипочем.

Но может быть, сегодня имеются какие-то еще безбожные учения, чья философская база настолько сильна, что синтезирует главные мифемы? Нельзя ли говорить об экологическом мифосе? На взгляд автора этих строк, оснований для этого пока нет, по той же причине, что и для разнообразных фашизмов: в экологизмах с базовыми мифемами очень негусто.

Так что сегодня, как и полтора века назад, марксизм остается единственным атеистическим мифосом в распоряжении человечества; а коли так, то отвергающим Бога и не выносящим жизни бездомных собак, деваться некуда, надо идти в марксисты.

Сказанное не означает, разумеется, что объятия традиционных конфессий, или некоторых из них, сами собой освободят человечество от трудных проблем, сделав земную жизнь более похожей на рай. Автор, однако, надеется, что эта статья даст даже и нерелигиозному читателю основания

заподозрить, что отвержение Бога выводит на прямую дорогу в ад — и чем энергичнее, тем вернее.

Литература

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. Соч. В 50-ти томах, Москва, Политиздат, 1955-1974гг. (читать с карандашом, вдумываясь в каждое слово).

С тех далеких уже времен, когда у автора этих строк не было иного пути к пониманию «наследия классиков», кроме [1], круг доступного расширился для русского читателя радикальнейшим образом, и дважды: падением цензуры и появлением интернета. Тем не менее, всеильноверное учение, сформировавшее трагическую судьбу отечества, не избаловано вниманием русской публики, как это ни странно. Хорошая половина неслабых статей и книг по марксизму, сыгравших роль в написании предлагаемой статьи, на русском не издана, будто нас эта тема и не касается. Отмечу в этой связи лишь одного автора, чье почти полное отсутствие на русском, признаюсь, вызывает во мне жгучий стыд: Лешек Колаковский. О чем говорить, если даже Колаковский, с его фундаментальными «Основными течениями марксизма», с его серией блистательных эссе о марксизме, сочетающих ясность слога и глубину мысли с великолепным знанием исторической конкретики — не издан и, кажется, совсем не упоминается. А ведь он многое на польском писал, это ж почти по-русски!

Прошел год сразу двух юбилеев: столетия нашей безумной революции и неразрывно с ней связанного полуторавекового юбилея выхода на свет ее святого писания, *Капитала*. Много ли было за этот юбилейный год публичных обсуждений связи этих двух событий? Много ли вышло книг, публичных лекций, журнальных статей с достаточным вниманием обсуждающих эту тему, дискуссий, ей посвященных? Мне таковые неизвестны, и, боюсь, не потому, что пропустил.

Странным образом, дважды юбилейный 2017 год сменяется опять юбилейным 2018: аккурат двести лет назад родился в Германии человек, чьими монументами и топонимами Россия богаче, и много богаче, чем все прочие страны, вместе взятые. Мало того, оказывается, монументов все еще недостает, новые продолжают воздвигаться. Так уж по сердцу, видать, пришелся тот германец русским людям, сколь ни поставь монументов, все не хватает. Ну, любовь зла, говорят — что поделать? Но ведь тут еще и не вся история любви, читатель. Другая ее часть — в книгах-биографиях сего

прославляемого мужа. Сколь же много их издано на языке столь возлюбившего его народа? Ну, хотя бы к его двухсотлетию — не часто же такое бывает у возлюбленных? Ответ не может не восхитить: ноль. Полный ноль, вообще никогда на русском языке ни одной книги-биографии этого глубочайше чтимого в России автора издано не было. Отсутствие биографических книг, надо полагать, с лихвой компенсируется монументами, именованьями площадей, проспектов, станций метро, и даже есть целый город имени этого славного человека, и высочайшая горная вершина есть. А что, может, в том и дело? При такой любви, разве нужны какие-то скорее всего отчуждающие, а то и не слишком приятные биографии? Зачем они вообще?